

Телефон заливался звонком. Харе кое-как поймал трубку, но едва взглянул на экран и увидел имя отправителя — «Папа», как от испуга чуть не выронил аппарат снова.

— Э-это... это папа звонит! Сукуна, почему он набирает именно сейчас? Он ведь не может быть где-то рядом, а?! Всё, пропали! Вдруг он нас увидел?!

Харе сжимал телефон обеими руками, словно горячую картофелину. В его ярко-синих глазах метался панический страх. Он растерянno лепетал имя Сукуны, то и дело заикаясь от волнения.

Беспомощность на его красивом лице выглядела настолько очаровательно, что невольно будила желание подразнить его ещё сильнее.

Обычно он только радовался отцовским звонкам, но сейчас всё сложилось на редкость не вовремя. Буквально секунду назад Сукуна целовал его — жарко, до дрожи, и они явно собирались зайти куда дальше. Внезапный вызов вызвал у парня стойкое ощущение, будто их застукали прямо в постели.

— Ха-ха, — Сукуна не сдержал смешка, забавляясь его паникой, и окинул юношу недвусмысленным, ласкающим взглядом. — Чего ты так задёргался? Просто не отвечай, и делов-то.

Не успел он договорить, как время вызова истекло, и надрывающийся в руках Харе мобильник наконец замолк.

— Ой, отключился... — растерянno пробормотал Харе, тупо уставившись на потемневший экран.

На другом конце провода Сугуру Гето с мрачным видом выслушал короткие гудки. Сунув экран прямо под нос Сатору Годжо, он процедил:

— Вот видишь, Сатору! Я же говорил! Не берёт трубку. Это точно этот ублюдок Сукуна ему запретил! Наверняка ещё и угрожает!

«Да разве может быть отродье проклятий нормальным? Харе такой наивный, ему ни в коем случае нельзя оставаться наедине с этой тварью!»

Телефон замер в паре сантиметров от лица Годжо. Сатору со смешком отклонился назад, даже не взглянув на дисплей — всё его внимание было приковано к рассерженному Сугуру.

Когда Гето злился, его брови сдвигались к переносице, а уголки узких глаз хищно приподнимались. В такие моменты он напоминал взъерошенного лиса — чертовски красивого, чьи распущенные тёмные волосы казались мягким, лоснящимся мехом.

Ещё в годы учебы в Технической школе магии Сатору обожал доводить друга до белого каления ради этого зрелища. И сейчас, глядя на знакомую гримасу, он невольно ощутил укол щемящей ностальгии по их общей юности.

— Ну же, Сугуру, не кипятись. Давай наберём ещё раз, — мягко проговорил он.

Его широкая ладонь перехватила руку Гето, собиравшегося убрать телефон. Сатору с удивлением отметил про себя, что за все эти годы Сугуру совсем не раздался вширь.

Запястье друга было таким же тонким, как и в юности — пальцы Годжо легко сомкнулись вокруг него с приличным запасом. Казалось, теперь ему хватит одной руки, чтобы сжать оба запястья Сугуру и удержать на месте.

Рукав просторной рясы съехал до самого локтя. Рука Сугуру мало походила на мускулистые предплечья здорового старшеклассника, какими Сатору их помнил; кожа под пальцами казалась бледной и поразительно нежной.

Проведя подушечкой большого пальца по нежной коже, Годжо заметил, как на ней тут же проступил едва заметный розоватый след.

«Ого... Как же хочется оставить на нём побольше таких меток».

Он ловко, без лишнего шума выхватил у Гето мобильник, снова набрал номер и, потянув за запястье, притянул Сугуру вплотную к себе. Расплывшись в улыбке, Сатору вложил аппарат обратно в его ладонь:

— Держи. Вызов пошёл.

Безусловно, Гето прекрасно видел все эти уловки, но ничего не мог с собой поделать — слишком уж привык потакать капризам Сатору.

С одной стороны, тревога за Харе, оставшегося один на один с опаснейшим проклятием, не давала ему сосредоточиться на чём-то ещё.

С другой... Сатору всегда оставался для него кем-то вроде личного божества, сокрытого в самых глубоких уголках души. И годы разлуки ничего не изменили.

Сейчас Сатору, пытающийся незаметно притереться поближе, безумно напоминал кота,

который с самым невинным видом медленно подталкивает лапой чашку к краю стола. Он искренне верил, что его маленькая игра остаётся незамеченной, и это шкодливое упрямство казалось невыносимо милым.

Внутреннее напряжение Гето немного спало. Он прижал телефон к уху, вслушиваясь в гудки.

Харе сидел на черепичной крыше. Спрятав телефон в карман, он принялся аккуратно накладывать свежую повязку на глаза. Весь сегодняшний день превратился в один сплошной кошмар. Вроде бы ничего толком не сделал, а вымотался так, словно разгружал вагоны. Юноша устало ссутулился и тяжело вздохнул.

«Как же хочется спать...»

Стемнело окончательно. Зарево от далёкого пожара полыхало так ярко, будто там устроила пир целая толпа. Самая подходящая атмосфера, чтобы устроиться у тепла и провалиться в сон.

Стоило ему закрепить край бинта, как тишину вновь разорвала трель звонка. Вздвогнув, Харе мгновенно выпрямился и выхватил трубку.

— Да чтоб тебя! Опять!

Им двигал чистый страх быть пойманным и непонятное, щемящее чувство стыда. Но у Сукуны подобных комплексов никогда не водилось. Подперев подбородок рукой, Король проклятий скосил взгляд на экран и с издевательской ухмылкой перехватил мобильник:

— Давай-ка я отвечу.

— Что?! С ума сошёл?! Отдай!

Это была какая-то дикость. Он и так всеми силами пытался предотвратить их встречу. Каким безумцем нужно быть, чтобы позволить Сукуне поговорить с его отцом? И о чём они будут беседовать? Через три секунды польются оскорбления вроде «кусочек дерьма» с одной стороны и «жалкий мусор» с другой, а потом они просто разнесут тут всё к чертям!

Представив масштабы катастрофы, Харе почувствовал, как земля уходит из-под ног, и отчаянно бросился отбирать телефон.

— Быстро верни!

— Ха-ха, ну попробуй отними! — Сукуна издевательски вытянул руку вверх.

Глядя, как разгорячённый Харе всем телом навалился на него в попытках дотянуться до заветной трубки, Король проклятий откровенно наслаждался моментом:

— Ну же, постарайся получше, малец! Ещё чуть-чуть, почти достал!

Редкий мерзавец, каких свет не видывал.

Харе злобно засопел. Только слепой не заметил бы, что этот гад откровенно издевается. Разозлившись, юноша резко вскочил на ноги и наконец вырвал телефон. Но в спешке пальцы соскользнули, и мобильник, описав дугу, полетел прямо с крыши вниз.

— Чёрт!

— Звук отсюда. Здесь кто-то есть?

Голоса прозвучали одновременно. Харе похолодел: внизу стоял дядюшка Оккоцу!

Тело сработало быстрее, чем включился разум. Харе рванул вверх подол своей кофты, накрыл им голову Сукуны и силой прижал его к своей груди, одновременно выпуская плотную завесу собственной проклятой энергии, чтобы скрыть ауру спутника.

«Только бы они его не увидели!»

Сукуна от неожиданности лишь мысленно хмыкнул:

«Чего это он?»

— О, смотрите, это же мобильник Харе? — удивлённо протянула Маки.

Тогэ Инумаки молча огляделся и указал пальцем наверх:

— Лосось с майонезом.

Школьники отступили на несколько шагов назад и дружно задрали головы. Харе как раз в этот момент осторожно заглянул за край крыши. Взгляды встретились. Наступила немая сцена.

— А... — вырвалось у всех разом.

«Харе?.. И что это они, чёрт возьми, делают?» — Оккоцу растерянно моргал.

«Да ладно. Неужели это то, о чём я подумала?» — Маки почувствовала, как к щекам приливает жар.

«Юношеская любовь? Может, не стоит докладывать Годжо-сенсею?» — Тогэ мысленно взвешивал за и против.

«С чего вдруг такая щедрость? Он что, решил устроить мне пиршество прямо здесь?.. Чёрт, какой же у него умопомрачительный запах», — Сукуна, уткнувшийся лицом в тёплую кожу, блаженствовал.

Пока длилась эта пауза, каждый успел додумать сцену в меру своей испорченности. Троица внизу разглядывала их со смесью глубокого шока и крайнего смущения. Никто и подумать не мог, что скромный Харе окажется настолько смелым, чтобы предаваться ласкам прямо посреди зоны боевых действий...

Сукуна же, прижатый к подтянутому юношескому телу, слушал бешено колотящееся сердце Харе и чувствовал себя превосходно. Из всех присутствующих он явно получал наибольшее удовольствие.

Один лишь Харе окончательно превратился в соляной столп. Под повязкой его глаза округлились от ужаса. Он тупо смотрел на соучеников, а в голове набатом стучало единственное слово:

«Конец».

«Всё, это провал. Что теперь делать? Почему из всех людей сюда принесло именно их?! Как им это объяснить? Они ведь обязательно разболтают папе Годжо... Может, притвориться, что они обознались, и быстро сбежать? Чёрт, чёрт, почему я не ушёл раньше!»

Ощущая кожей горячее дыхание проклятия, Харе проклинал себя последними словами. Похоть затуманила разум, не иначе!

Он яростно мысленно ругал себя за минутную слабость, поклявшись больше никогда не позволять Сукуне прикасаться к себе вне спальни. Вот только сам виновник его позора намёков не понимал. Пользуясь тем, что его крепко удерживают, этот наглец умудрился зубами оттянуть ворот кофты и принялся лениво, с особым пристрастием целовать и покусывать упругую грудь Харе.

— Кх... — от неожиданного укола наслаждения вперемешку со страхом Харе тихо выдохнул. Вовремя спохватившись, он судорожно прикусил губу, чувствуя, как лицо заливают густая краска.

«Это просто издевательство! Что он творит?! Чёртов Сукуна! Господи... они ведь наверняка это услышали».

Стыд боролся с яростью, грозя окончательно расплавить несчастный мозг. Харе казалось, что у него из ушей вот-вот повалит пар.

«Кажется, мы крупно помешали...» — Оккоцу, Маки и Тогэ синхронно подумали об одном.

Нависла звенящая, невыносимо неловкая тишина. Лишь где-то в отдалении глухо потрескивал лесной пожар, да на земле под ногами ребят продолжал настойчиво надрываться мобильник.

— Может... скажем что-нибудь? — Оккоцу искоса глянул на друзей, отчаянно пытаясь скрыть смущение. — Мне кажется, Харе сейчас в обморок упадёт.

— Идиот, — прошипела Маки, чьи щёки тоже заметно порозовели от столь пикантного зрелища. — Сделай вид, что мы ничего не заметили. Так будет лучше для всех.

— Сушёная слива, — Тогэ присел на корточки, забавно тряхнув пушистой белой макушкой, и осторожно ткнул пальцем в светящийся экран лежащего в пыли телефона.

Динамик тут же ожил, и из него раздался бодрый голос Годжо:

— О, алло-алло! Харе? Послушай, этот гад Сукуна ведь крутится где-то рядом? Если да, держись от него подальше, ладно?

— Сукуна?! — хором выдохнули все трое.

Лица ребят мгновенно осунулись и побелели. Молниеносно разорвав дистанцию, они заняли боевые стойки. Юта выкрикнул:

— Харе, назад! Берегись, он смертельно опасен!

Им и в голову не могло прийти, что под одеждой Харе прятал самого Двумликого. Значит, парня попросту взяли в заложники! Какими же идиотами они были, когда секунду назад напридумывали себе всяких романтических глупостей!

Пока школьники мысленно кляли себя за недогадливость, из динамика донёсся на удивление безмятежный голос:

— Ого, Маки, вы тоже там? Какая встреча! Ладно-ладно, сейчас ваш любимый учитель во всём разберётся, я уже иду~

Харе прикрыл лицо ладонью.

«Господи, за что мне всё это... Лучше бы этот мир прямо сейчас взлетел на воздух».

Сукуна напоследок мазнул губами по чужой груди и нехотя вынырнул из-под ткани. Окинув ленивым взглядом застывших внизу шаманов, он крикнул в сторону телефона:

— Слышь, сопляк. Мы же вроде договаривались не совать нос в чужие дела?

Назвать сильнейшего шамана «сопляком» мог только один монстр во вселенной. Подозрения подтвердились окончательно, и троица внизу напряглась ещё сильнее.

На том конце линии повисло недоуменное молчание.

Сугуру Гето сразу почуял неладное. В этой короткой реплике сквозило слишком много странных намёков. Он медленно повернул голову к Годжо. Его взгляд сузился, а губы беззвучно вывели вопрос:

«Что происходит?»

Сатору замахал руками, отчаянно оправдываясь перед Сукуной:

— Чего ты мелешь?! Кто ещё с тобой договаривался! Жди там, я уже лечу!

Харе, заподозрив неладное, тоже помрачнел. Опустив взгляд на стоящего рядом Короля проклятий, он ледяным тоном спросил:

— Договаривались? Ты же божился, что в глаза его не видел!

Сукуна на секунду осёкся. Чёрт, проболтался.

Харе присел на корточки и, едва ли не шипя от злости, процедил так тихо, чтобы слышал только его собеседник:

— Что ещё вы успели обсудить за моей спиной?

— Расслабься, про тебя я ни слова не выдал, — ухмыльнулся Сукуна.

И это было чистой правдой — он лишь заключил с Годжо сделку, а подробности о Харе тот выяснил сам.

Пока Король проклятий наслаждался своей честностью, Годжо на другом конце Токио спешно нажал кнопку отбоя. Не дожидаясь, пока Гето устроит ему допрос с пристрастием, Сатору собственническим жестом сгрёб его в охапку и, уткнувшись носом в ухо, торопливо зашептал:

— Ну не злись, Сугуру! Я как раз собирался всё объяснить. Этот четырёхрукий урод, конечно, заноза в заднице, но сейчас от него вреда нет. Мы просто заключили небольшое соглашение. Я же не знал, что этих оболтусов отправят именно туда! Не переживай, я сейчас же заберу нашего мальчика, найду ему кучу дел в Технической школе магии, и этот рогатый чёрт до него больше не доберётся!

— Твои нежности на меня не действуют, — ровным тоном произнёс Гето, пытаясь отвернуться. Однако краем глаза он заметил, как Сатору слегка сдвинул повязку и соорудил самую жалобную мину, преданно глядя на него своими огромными синими глазами. Сугуру запнулся и обречённо вздохнул.

Ладно, это чертовски хорошо действовало.

Поняв, что в очередной раз уступил, лидер религиозной общины попытался хотя бы сохранить лицо:

— Но за то, что ты скрыл детали и заставил меня сходить с ума от тревоги, прощения не жди.

— Ну... мне просто очень хотелось тебя увидеть, — пропел Сатору.

Гето замер. Этот невыносимый человек снова делал что хотел. Кончики его ушей предательски вспыхнули. Сатору, не теряя времени, прильнул к его шее. Он оставил влажный поцелуй на напрягшейся жилке, а затем мягко прихватил кожу губами, слегка посасывая.

— Я побежал, — невнятно пробормотал Годжо прямо ему в шею. — И не забывай мне писать, Сугуру.

Кожа горела от щекотного тепла. Лишь когда Сатору растворился в воздухе, Гето наконец позволил себе выдохнуть сдавленный стон, который сдерживал из последних сил. Он медленно коснулся шеи пальцами. На коже остался влажный след и яркое, вызывающе красное пятно.

— Придурок... — негромко выругался Сугуру, но на губах его играла слабая улыбка.

Харе решил пока не устраивать разборки из-за обмана. Он бесшумно спрыгнул на землю. Сукуна плавно скользнул следом, устроившись за его спиной подобно огромному, послушному шикигами. Троица напротив синхронно попятилась ещё дальше.

Юноша примиряюще поднял ладони и глубоко вздохнул:

— Ребят... вы только не пугайтесь. На самом деле Сукуна...

Он не успел договорить — краска стыда мгновенно залила его лицо до самых ушей. Сталкиваясь со взглядами друзей, в которых читались подозрительность, страх и искреннее беспокойство, Харе зажмурился, набрал в лёгкие побольше воздуха и выпалил на одном дыхании:

— Сукуна — мой парень!

— Чего-о-о?!

Воздух вокруг словно заledenел. Наступила мёртвая тишина. Судя по вытянувшимся лицам соучеников, они только что прослушали краткое содержание самого жуткого хоррора в своей жизни.

Спустя минуту гробового молчания Оккоцу, чьё воображение наотрез отказывалось принимать услышанное, посмотрел на Харе с глубочайшим состраданием:

— Харе... Если у тебя какие-то проблемы, ты только скажи. Зачем же так себя гробить?

«Встречаться с Королем проклятий? Да это же добровольный ад на земле!»

Сукуна, который ещё мгновение назад довольно шурился от признания своего особого статуса, помрачнел:

«Этот сопляк бессмертный, что ли?»

— Тебя ведь заставили, да? Не смей прогибаться под этого монстра, Харе! — Маки мёртвой хваткой вцепилась в древко своей нагинаты, не теряя бдительности ни на секунду. — Мы вытащим тебя! Годжо-сенсей уже в пути, продержись ещё немного!

Инумаки рядом отчаянно замахал головой в знак согласия.

«У Харе совершенно нет вкуса на парней. Безумно за него тревожно...»

— Да правда это! — Харе бессильно взмахнул руками, безуспешно пытаясь подобрать хоть какие-то доказательства, и обречённо опустил голову. — Сукуна действительно мой...

«...мой парень!»

Ну почему, почему они ему не верят?!

<http://bllate.org/book/19043/2005280>